

Пресс-хата

Автор:

Илья Деревянко

Пресс-хата

Илья Деревянко

«В запертом изнутри кабинете начальника «крытой» полковника МВД Фелицина Виктора Степановича сидели за столом двое: полковник собственной персоной и тюремный «кум»[1 - Начальник оперативно-следственной части. В «крытых» тюрьмах чрезвычайно влиятельная фигура, фактически вторая по значению после «хозяина» - начальника тюрьмы. (Здесь и далее примеч. авт.)] - майор Афанасьев Александр Владимирович. Перед ними стояли до половины заполненная окурками пепельница, початая бутылка пятизвездочного армянского коньяка, две пузатые рюмки и тарелка с шоколадными конфетами. На стене прямо над головой Фелицина висели три загаженных мухами портрета: Ленина, Дзержинского и нынешнего генсека Горбачева. Поскольку Михаил Сергеевич попал в кабинетный «иконостас» сравнительно недавно, ему досталось от зловредных насекомых значительно меньше дерьма, нежели Владимиру Ильичу или Феликсу Эдмундовичу. Однако досталось! Особенно почему-то левому глазу. В результате казалось, будто последний глава КПСС где-то обзавелся внушительным темно-коричневым бельмом. Зимой смеркается рано, и за незанавешенным решетчатым окном пылало зарево мощных прожекторов, не оставлявших на тюремной территории ни малейшего темного закутка. Под потолком кабинета тускло светила лампа в насквозь пропыленном матерчатом абажуре. Оба властителя судеб населявших тюрьму многочисленных зеков с удовольствием потягивали коньяк, посасывали сигареты с фильтром и беседовали вполголоса. В воздухе плавали сизые клубы табачного дыма. В дальнем углу за шкафом скреблась обнаглевшая мышь...»

Илья Деревянко

Пресс-хата

Все имена, фамилии и прозвища главных действующих лиц вымышленные. Любые совпадения случайны.

Недавнее прошлое

1986

«Закрытая» тюрьма в одном из городов Европейской части СССР

13 декабря, 16 часов 45 минут

В запертом изнутри кабинете начальника «крытой» полковника МВД Фелицина Виктора Степановича сидели за столом двое: полковник собственной персоной и тюремный «кум»[1 - Начальник оперативно-следственной части. В «крытых» тюрьмах чрезвычайно влиятельная фигура, фактически вторая по значению после «хозяина» - начальника тюрьмы. (Здесь и далее примеч. авт.)] - майор Афанасьев Александр Владимирович. Перед ними стояли до половины заполненная окурками пепельница, початая бутылка пятизвездочного армянского коньяка, две пузатые рюмки и тарелка с шоколадными конфетами. На стене прямо над головой Фелицина висели три загаженных мухами портрета: Ленина, Дзержинского и нынешнего генсека Горбачева. Поскольку Михаил Сергеевич попал в кабинетный «иконостас» сравнительно недавно, ему досталось от зловредных насекомых значительно меньше дерьма, нежели Владимиру Ильичу или Феликсу Эдмундовичу. Однако досталось! Особенно почему-то левому глазу. В результате казалось, будто последний глава КПСС где-то обзавелся внушительным темно-коричневым бельмом. Зимой смеркается рано, и за незанавешенным решетчатым окном пылало зарево мощных прожекторов, не оставлявших на тюремной территории ни малейшего темного закутка. Под потолком кабинета тускло светила лампа в насквозь пропыленном матерчатом абажуре. Оба властителя судеб населявших тюрьму многочисленных зеков с удовольствием потягивали коньяк, посасывали сигареты с фильтром и беседовали вполголоса. В воздухе плавали сизые клубы табачного дыма. В дальнем углу за шкафом скреблась обнаглевшая мышь...

Запертая изнутри дверь являлась предосторожностью отнюдь не излишней. Пресловутая горбачевская антиалкогольная кампания находилась в полном разгаре, доходя порой до откровенного маразма[2 - Например, в те годы в отделения милиции спускали сверху специальные разнарядки: «выловить за день не менее такого-то количества пьяных». В результате вас элементарно могли задержать на улице, всего-навсего учуяв запах перегара. Существовали квоты на «выявление – искоренение» любителей спиртного и среди самих ментов. Так, по рассказу одного майора МВД в отставке, с его товарища сорвали погоны за распитие с коллегой бутылки шампанского в служебном кабинете по окончании рабочего дня (второй злоумышленник «счастливым» отделался строгим выговором с занесением в личное дело).], а стукачей среди сотрудников исправительного учреждения, как водится, хватало с избытком. Заложат, глазом не моргнув! Желаящих подсадить начальство и соответственно продвинуться по служебной лестнице в правоохранительных органах – пруд пруди!

Друг друга же «кум» с «хозяином» не опасались. Слишком прочно были повязаны. И не только «огненной водой», а делами гораздо более серьезными!..

– Э-эх! – довольно крикнул Виктор Степанович, потребив вовнутрь очередную порцию горячительного, разжевав конфету и со вкусом затянувшись «Космосом». – Благодать! Тем более запретный плод... вдвойне сладок, хе-хе! – Фелицин, не оборачиваясь, указал пальцем через плечо на лысину с родимым пятном, принадлежащую запечатленному на фотопортрете «выдающемуся перестройщику и плюралисту».

– Молод, ишь, шибко горяч. Потому дров и наломал, – хмуро проворчал «кум» Афанасьев.

– Это точно! – воровато зыркнув на дверь, горячо зашептал полковник. – Наломал – дальше некуда! Раиса-то Максимовна небось пить ему запретила, вот он и срывает зло на народе! По принципу: сам не гам и вам не дам!

– Моя стервоза тоже брюзжит, – вздохнул начальник оперативно-следственной части. – Денно и ночью пилит – алкаш, мол, трам-тарарам, никак не просохнешь... У-у-у, ведьма чертова! – В голосе майора зазвучала нескрываемая ненависть, округлое мясистое лицо налилось кровью, брови сдвинулись у переносицы, бесцветные глазки сузились, загорелись недобрым огнем. – У меня, может, работа вредная! На сплошных нервах! Без снятия стресса не проживешь, а у нее, дуры, всего-то забот – с подругами языком чесать!.. С-с-сучка

крашенная! – желчно прошипел «кум».

– Вздрогнем? – предложил Фелицин, наполняя рюмки по-новой.

– Вздрогнем! – согласился Афанасьев, жадно проглотил коньяк и, не закусывая, продолжил торопливой скороговоркой: – Ты, Виктор Степанович, посмотри, что у винных магазинов творится: километровые очереди, давка, ругань, мордобой... У входов вынуждена дежурить милиция, иначе запросто свалка со смертоубийством начнется, как на похоронах Сталина[3 - В 1953 году в результате массовой давки, возникшей на похоронах Сталина, по некоторым оценкам, было затоптано до смерти от одной до полутора тысяч человек.]. Жуть! Беспредел!

– Верно! – подтвердил «хозяин». – Буквально тьма египетская. Хорошо у нас с тобой, так сказать, некоторые послабления в данном, хе-хе, смысле! Если родина-мать забывает порой верных своих сыновей, то уж лица заинтересованные – никогда!!!

Полковник имел в виду регулярные подношения от родственников некоторых осужденных как деньгами, так и натурой – в первую очередь сверхдефицитной в теперешние скорбные времена выпивкой. Упоминание о «послаблениях» заметно улучшило настроение начальника оперативно-следственной части.

Морщины на лбу «кума» разгладились, взгляд просветлел.

– Еще по маленькой? – лукаво подмигнул он.

– Однозначно! – хихикнул «хозяин», цепким, уверенным, годами отработанным движением хватая бутылку...

Когда она закончилась, Фелицин спрятал в сейф пустую посудину, извлек оттуда новую, полную, распечатал, плеснул в рюмки драгоценную влагу, чокнувшись с Афанасьевым, залпом выпил, рыгнул, зевнул и спросил с ленцой:

– Кстати, о птичках, Александр Владимирович, как там наши козлики[4 - Козел – заключенный, сотрудничающий с тюремной или лагерной администрацией.] поживают?

– Как положено! Травку в стойле жуют! – ухмыльнулся майор.

– Скорее смолят![5 - Курят.] – трескуче рассмеялся полковник. – Двое, Джигит с Шашлыком, – отпетые наркоши. Плотно на иглу подсели, да и остальные дурью[6 - Наркотиками.] не брезгают. По крайней мере анашой!

– Правильно! Гы-гы-гы! Смолят! – зычным хохотом оценил шутку «хозяина» «кум». – Аж дым из ушей столбом валит! А блеют[7 - В данном контексте – доносят, стучат.] друг на друга – заслушаешься! Главный по этой части – Чукча Неумытый, он же Лимон, но и прочие стараются. В меру умственных способностей!..

Речь шла о печально известной среди заключенных «крытой» камере номер 66, где обитали пятеро специально отобранных ссученных[8 - Ссученный – синоним термина «козел».] уголовников. В их задачу входило прессовать тех, кто имел несчастье чем-то сильно прогневить всемогущих в местном масштабе «кума» или «хозяина». Методы прессовки были самые разнообразные – начиная с массированного психологического давления и заканчивая зверским избиением, часто совмещаемым с изнасилованием. Попали козлы в «стойло» различными путями и по разным причинам. Общими являлись критерии отбора (крайняя степень подлючести и хорошая физическая подготовка), а также их дальнейшая участь, случись им угодить в обычную камеру или на зону. Там прессовщиков ожидала неминуемая лютая смерть. Подобных типов зеки не прощают, карают быстро и безжалостно: могут в сортире утопить, могут раскаленный добела железный прут в прямую кишку до упора загнать, могут неторопливо изрезать на мелкие кусочки. Если экзекуция происходит на промзоне, к примеру, в котельной или в гальваническом цеху, то сожгут заживо в печи или в ванну с кислотой кинут и т. д. и т. п. Впрочем, пресс-хатовских козлов отлавливали и на воле, где расправлялись с ними не менее жестоко. Правда, на свободе существовала пусть крохотная, но возможность как-то скрыться, запутать следы, а за колючей проволокой деваться некуда. Данное обстоятельство гарантировало безоговорочную преданность ссученных по отношению к тюремному начальству и готовность каждого на любые, самые запредельные пакостства. Прикажет, допустим, «кум» отца родного опустить – «Рады стараться!»... Собственную мать изнасиловать? «Пожалуйста, гражданин начальник! Исполним в лучшем виде! Только не выгоняйте из надежно запертого уютного стойла в волчью стаю! М-м-е-е-е!!!»

За верную службу прессовщики получали от хозяев сытую жратву (изъятую из продуктовых посылок обычным осужденным), сигареты, чай, водку, наркотики... Однажды Афанасьев обещал им по пьяной лавочке аж телевизор, но, протрезвев, передумал. «Обойдетесь! Без того поблажек более чем достаточно! Не хрена вас баловать!» – злобно-ядовитым по причине зверского похмелья тоном объявил обитателям пресс-хаты на следующий день опухший с перепоя «кум», и сейчас в кабинете начальника тюрьмы, вспомнив уныло-разочарованные рожи козлов, расплылся в преехиднейшей гримасе.

– Ты закусывай, Сан Владимирыч, закусывай, иначе развезет, – посоветовал ему Фелицин, наполняя рюмки по-новой. – Вона как тебя кривит!

– Да нет, Виктор Степанович, все путем. Просто вспомнил кое-что забавное, – заверил полковника майор, но все-таки, влив в глотку коньяк, взял с тарелки конфету.

– А бодаться твои подопечные, надеюсь, не разучились? – через минуту поинтересовался «хозяин», сосредоточенно ковыряя спичкой в зубах.

– Обижаешь, Виктор Степанович! – самодовольно осклабился «кум». – Я свое дело туго знаю! Не даю парнокопытным похудеть! Они у меня всегда в боевой форме, гы-гы!

– Ну и чудненько, – благосклонно кивнул Фелицин. – Рогатым предстоит ударно потрудиться во имя социалистической законности: Мамона с Лордом начисто обломать. Желательно опетушить[9 - Изнасиловать.]. В кратчайшие сроки!

– Что стряслось-то? – вяло любопытствовал Афанасьев.

– Начальник оперативно-следственной части, а не в курсе! – внезапно разозлился полковник. – Совсем мозги пропил?!

– Да, Виктор Степанович, они лишь вчера с пересылки[10 - Пересыльная тюрьма.] прибыли. Не успела информация поступить! – испуганно заморгал майор.

– Твоя правда, – остыл Фелицин. – Извини. Погорячился. Проблема же заключается в следующем: эти орлы, как ты знаешь, фигуры в преступном мире чрезвычайно популярные. Мамон – вор в законе. Лорд – авторитет. Получили дополнительные срока, в том числе по пять лет «крытой», за почти удавшуюся попытку организации бунта в зоне. На суде Мамон возьми да брякни: «Вы, падлы, нас еще попомните! Обещаю!..» Лорд от последнего слова отказался, но глазищи у него были словно у волка, к прыжку изготовившегося. Прокурора в натуре мороз по коже продрал. И оба попали к нам! – после длинной драматичной паузы продолжил начальник тюрьмы. – Обстановка же среди нашего криминального контингента крайне нестабильная. Сам знаешь! Ропщут зечары на плохое питание, рукоприкладство надзирателей... Многие бешутся, что на работу их не выводят[11 - В «крытых» тюрьмах в то время существовали следующие нормы питания: если не работаешь – сидишь на пониженной пайке (в сутки четыреста граммов хлеба и черпак баланды), если выводят на работу – получаешь вечером дополнительные сто граммов хлеба. Кроме того, работающие имели возможность периодически отовариваться в ларьке, если не сами, то через осужденных с менее тяжелым режимом заключения. Таким образом, вывод камеры на работу считался большой привилегией, а невывод – суровым наказанием (подробнее см.: В.Пономарев, Е. Гончаревский. Записки рецидивиста. М., СПб.; 1997, с. 229 – 264).]. Заколебали, б...и, разными блатными выкрутасами, а теперь на работу, видите ли, желают! Хрен с прованским маслом! Здесь мое слово закон! Мое!!! – возвысил голос до крика полковник. – Сказал не пушу – значит, не пушу! – более или менее успокоившись и закулив сигарету, вместе с дымом выдохнул он. – В общем, не тюрьма, а пороховая бочка. И тут сразу двух потенциальных Пугачевых кидают. Представляешь последствия?

Афанасьев понимающе кивнул.

– Короче, во избежание возможных неприятностей надо ликвидировать угрозу смуты в зародыше, – подытожил «хозяин». – Опущенные Мамон с Лордом перестанут представлять собой какую бы то ни было опасность!

– Сделаем! – твердо пообещал «кум» и, немного поразмыслив, добавил: – Давай, Виктор Степанович, Вояку заодно прожарим!

– Это «афганец», который из новеньких? – уточнил Фелицин.

– Он самый, – подтвердил Афанасьев.

– Что, крупно накосорезил?

– Еще как! – перекосившись, словно черт на причастии, зашипел майор. – Сегодня утром я проводил с ним, с подлецом, вербовочную беседу. Попытался втолковать: «Ты, Константин, хоть и преступник по закону, но все ж офицер. Капитан-десантник. Кавалер двух орденов. Чего у тебя общего с грязными, пропахшими парашей урками? Лучше будем жить дружно. Ты мне кое-какие сведения, я тебе сгущенку, сигареты...» А он меня на х... послал прямым текстом да в лицо плюнул! Еле увернуться успел. Поначалу я гада в карцер законопатил, на пятнадцать суток. Но... пожалуй, карцера мало. В пресс-хату его, говнюка, а потом в петушатню[12 - Специально отведенное место в лагерном бараке или в тюремной камере, где живут опущенные зеки.]. Чтоб до конца срока кукарекал, сволочь! – Начальник оперативно-следственной части ощерил длинные желтоватые зубы. В глазах полыхнула безумная дьявольская злоба. В уголках рта запузырилась мутная слюна. Тюремный «кум» сделался удивительно похож на толстую взбесившуюся крысу.

– Прожаривай, коли так решил, – равнодушно согласился начальник тюрьмы. – Но только после Мамона и Лорда. Те гораздо круче твоего сраного капитанишки. Зададут хлопот нашим козлятам. А Вояка им на закуску пойдет. В виде бесплатного развлечения...

Пару минут властелины «крытой» молчали, думая каждый о своем.

– Когда начинать? – наконец деловито осведомился майор.

– Завтра вечером перед отбоем, – ответил «хозяин», разливая коньяк по рюмкам. – Твое здоровье! – поднял он свою рюмку.

– Твое! – откликнулся «кум».

14 декабря 1986 года

Камера № 66

18 часов 15 минут

На первый взгляд пресс-хата ничем не отличалась от обычной пятиместной камеры. Три метра в ширину, пять в длину. Две двухъярусные кровати. Одна, напротив двери, у окна – одноярусная (лежбище пахана). Ближе к ней – стол. У входа – параша. Давным-давно беленный, изборожденный глубокими трещинами потолок, выкрашенные в грязно-зеленый цвет стены... На этом сходство заканчивалось. Стол был накрыт для ужина, и козлийное меню резко отличалось от обычного тюремного. Вместо синей баланды да черного, клейкого, плохо пропеченного хлеба – пышные белые булки, говяжья тушенка, сгущенное молоко, сало, колбаса, печенье. На запивку – сладкий, щедро заваренный чай. В центре – две пол-литровые бутылки водки. Вокруг стола расселись на табуретках ссученные, здоровые, мордастые, упитанные. Среди них особенно выделялся габаритами пахануший в пресс-хате Юрий Крылов (погоняло – Крыло), 1956 года рождения, получивший в свое время десятку за убийство. В прошлом Крылов активно увлекался тяжелой атлетикой и выглядел весьма впечатляюще – натуральный орангутанг, наголо выбритый и одетый в тюремную робу. По правую руку от него устроился Михаил Лимонов (Лимон), двадцативосьмилетний плотный, среднего роста каратист, погоревший на групповом изнасиловании девчонки-старшеклассницы. Напротив Лимона ласкал маслянистым взором бутылки самый молодой из присутствующих – Василий Ключков (Клюка), смазливый, хлыщеватый типчик, двадцати лет от роду, загремевший за решетку по наипозорнейшей статье – 121-й часть 2 УК РСФСР[13 - Статья за мужеложство в отношении несовершеннолетних. Предусматривала наказание до восьми лет лишения свободы.]. На «боевом» счету Ключки значилось шесть мальчиков в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет. «Уламывать» жертвы Ключкову помогали навыки, приобретенные в секции вольной борьбы. Рядом с ним, подперев подбородок рукой, задумчиво попыхивал «беломориной» сорокалетний обрюзгший, с густой проседью в темных волосах и горбатым носом Николай Суидзе – бывший кунгфуист, патологический садист и наркоман, осужденный за зверскую расправу (со смертельным исходом) над собственной бабкой, по мнению Суидзе, прятавшей в чулке крупную сумму денег. Николаю не повезло – денег он не добыл, а срок схлопотал на полную катушку. Пятый козел – жилистый чеченец лет тридцати, Шамиль Удугов по кличке Джигит (некогда боксер-перворазрядник), запаздывал к ужину по «уважительной» причине: полулежа на одной из нижних шконок[14 - Шконка – кровать, нары.] и закатав до предела штанину, он старательно разыскивал на ноге вену[15 - У закоренелых наркоманов вены настолько испорчены, что с каждым разом удачное введение в организм наркотика становится для них все большей проблемой.], намереваясь сделать очередную инъекцию героина. Удугова осудили за многочисленные ограбления старушек-пенсионерок, в квартиры которых Джигит проникал под видом работника службы социального

обеспечения. Ветераном пресс-хаты был Крыло, остальные – относительно новенькими.

– Не канителься, Шамиль! – поторопил чеченца пахан. – Долго ждать не станем. Начнем хавать без тебя!

– Э-э-э, брат, погоди! – заступился за родственную душу уколотившийся часом раньше Суидзе. – Видишь, мается человек! Вен почти не осталось, а без дозы ему хана!

– И охота вам этой дрянью ширяться[16 - Колотьяся.]! – сварливо проворчал козлиный пахан. – Лучше стакан водки вмазать!

– На вкус и цвет товарищей нет, – философски изрек Лимон. – Йедем даз зайне!

– Чо-чо?! – изумленно вылупились Крыло с Ключковым.

– В переводе с немецкого – «каждому свое», – важно пояснил отучившийся на журфаке МГУ Лимонов. – Такая надпись, однако, висела над воротами Бухенвальда.

«Однако» являлось излюбленным словечком Михаила, которое он к месту и не к месту постоянно вставлял в разговор, за что (по совокупности со врожденной неряшливостью) Лимонову до попадания на «службу» в пресс-хату зеки прилепили нелюбезное прозвище Чукча Неумытый. Погоняло «Лимон» выпускник МГУ присвоил себе уже здесь, самостоятельно, считая более благозвучным. Правда, мыться-бриться Михаил по-прежнему не любил и разгуливал по камере с неизменной недельной щетиной.

– Интеллигент, блин, выискался! Профессор недоделанный! – скептически, но с заметной примесью зависти произнес пахан.

Канавший за «шестерку» Ключка угодливо хихинул. Между тем Шамиль нашел-таки относительно целую вену и вколол героин, после чего откинулся на подушку, блаженно шепча: «Ва-ах ха-ра-шо! Ва-ах ха-ра-шо!»

– Ну его в болото! Пока еще прокайфуется! – махнул рукой Крылов. – Давайте жрать, ребята, а то прям живот подвело!

Не заставляя себя долго упрашивать, ссученные жадно набросились на «кумовские» гостинцы.

– Однако густо сегодня, – пробурчал с набитым ртом Лимон. – Чегой-то Афанасьев так расщедрился? Даже водяру подогнал.

– Ты в натуре дурак или прикидываешься? – оскалил в подобии улыбки железные фиксы вожак козлиной стаи. – Неужто не знаешь – раз хаванина пообильнее и бухло в придачу – значит, ударная работа предстоит. Ин-тел-ли-гент! Ха! Пора бы спуститься с небес на землю. Иначе пайку из-под носа уведут да в парашу бросят!

Демонстрируя глубочайшее восхищение остроумием пахана, Ключиков заливисто заржал, хватаясь за бока, взвизгивая и брызжа слюной.

– Да знаю я, знаю! – поспешил оправдаться Михаил. – Вопрос, однако, чисто риторический!

– Ри-то-рический! Профессор, блин, кислых щей! – съехидничал Крыло, вызвав у «шестерки» Ключики новый приступ верноподданнического смеха.

– Ударно потрудиться – как? – умяв в одиночку две банки тушенки, флегматично поинтересовался Суидзе.

Крылов не ответил, поскольку в данный момент срывал зубами пробку с первой бутылки и, лишь разлив водку по трем стаканам (наркоманы спиртное не употребляли), веско сказал:

– Три ночи подряд! Начиная с сегодняшнего отбоя. Велено опустить вора в законе Мамона, потом авторитета Лорда... Последний на очереди какой-то капитан-«афганец». Воякой прозвали. Офицерик не внушает мне особых опасений. Трахнем в жопу, и всего делов, но первые двое... Гм! С ними придется попотеть!

Ссученные притихли, погрузстнели. Они прекрасно знали, кто такие Мамон и Лорд.

Коронованный всесоюзной сходкой, Мамон (по паспорту Иннокентий Иванович Векшин) прославился в криминальной среде вспыльчивым нравом и невероятной жестокостью. Больше всего на свете он ценил свое почетное звание вора в законе, мог часами рассуждать о понятиях[17 - Законах преступного мира.], буквально упивался властью над преступниками нижестоящих мастей[18 - Масть – та или иная уголовная каста. Высшая из них – вор в законе. Низшая – петух, то есть пассивный педераст, используемый заключенными в качестве бабозаменителя. Петухи бесправны, забиты и выполняют самую грязную работу.] и не терпел ни малейшего инакомыслия. Попробуй возрази – мигом зубов лишишься. В лучшем случае. Тех, кто имел глупость крупно «огорчить» Векшина, ожидала неминуемая страшная смерть. Например, одному типу, мотавшему срок за мошенничество и заподозренному Иннокентием Ивановичем в стукачестве, заживо отрезали голову. Проштрафившихся чуть меньше пристяжь[19 - Окружение авторитетного вора.] Мамона либо избивала, делая неизлечимым калеккой, либо опускала. Так, довольно известный рецидивист Юрка Окорок в наркотическом угаре взял да послал Векшина на х...[20 - Это действительно смертельное оскорбление для каждого уважающего себя уголовника и уж тем более для вора в законе!]. «Не-е-ет, голуба! Ты пойдешь туда сам! В прямом смысле!» – со змеиной ласковостью прошипел в ответ Мамон. В тот же день Окорока силком опетушили.

Авторитет Лорд (в миру Олег Арсеньев) был не столь колоритен, говорил мало и вообще отличался скрытным, нелюдимым характером. Но попробуй перейди ему дорогу! Век жалеть будешь... если жив останешься! Ни дать ни взять матерый волк-одиночка!

Короче, перспектива столкнуться лоб в лоб с вышеуказанными людьми (подлинными легендами тогдашнего преступного мира) козлов отнюдь не вдохновляла.

– Не хера кукаяться! – оглядев кислые морды подчиненных, грубо рявкнул козлиный пахан и, моментально сменив гнев на милость, принялся терпеливо втолковывать: – Я прекрасно понимаю ваши эмоции, ребята, и в принципе их полностью разделяю, но... вы забываете об одной существенной детали: Мамон с Лордом опасны там, в привычной стихии, в толпе сукачей, с благоговением внимающих каждому их слову, а здесь... Ха! Здесь бал правим мы и только мы!

Один в поле не воин! Сила солому ломит! Отмахнуться им будет нечем. Прежде чем отвести на прожарку, вертухаи тщательно обшмонают обоих голубчиков, изымут все хоть мало-мальски годящееся в качестве оружия, а главное – на нашей стороне страх!

Да-да, страх, я не оговорился, – в ответ на изумленные взгляды ссученных погано ухмыльнулся Крыло. – Уж поверьте, людскую природу я изучил досконально, на многочисленных конкретных примерах. Как-никак восьмой год в пресс-хате чалюсь[21 - Чалиться – отбывать срок заключения. В данном контексте – обитать.]. Опыт укрощения строптивых приобрел огромный! Итак, проведем небольшой экскурс в область психологии! Векшин, безусловно, круче вареного яйца. На зоне никто из нас и пикнуть бы против него не посмел и так далее и тому подобное. А теперь вопрос на сообразительность. Чего же все-таки боится суперкрутой Мамон? – Крылов обвел окружающих пристальным изучающим взором. Прессовщики, включая успевшего подсесть к столу Джигита, перестали жрать «кумовские» подачи и напряженно задумались. Николай Суидзе беззвучно шевелил пухлыми губами, Шамиль Удугув усиленно морщил лоб, Василий Ключков нервно тербил пальцами мочки ушей, Михаил Лимонов, раскорячившись на табуретке и уткнув щетинистый подбородок в ладони, всматривался в голую стену над паханской шконкой.

– Наверное, потерять авторитет! Свалиться с пьедестала на самое дно, в грязь! – выдал наконец он.

– Молодец, интеллигент! В точку попал! – одобрил Лимонова Крылов. – Именно свалиться в грязь, – подчеркнуто повторил пахан ссученных. – Векшин знает, куда его бросают, зачем бросают и, можете не сомневаться, боится до потери пульса стать опущенным. Ведь ему хорошо известно, как производятся подобные процедуры. Недаром по распоряжению Мамона и у него на глазах не одного мужика в «машку» превратили... Панический страх обладает свойством отуплять разум, парализовать волю, – выдержав эффектную паузу, продолжал поучать коллег пресс-хатовский старожил. – Следовательно, Мамон не сможет действовать хладнокровно и даже с моральной точки зрения дает нам все карты в руки, не говоря уж о чисто физическом перевесе. Работая Мамона, первоначальный упор делаем на разжигание в нем чувства страха и сбивание с панталыку, а дальше по обычному сценарию! Метелим, макаем харей в парашу, трахаем... Сломается вор, никуда не денется, хотя впоследствии наверняка повесится от позора. Впрочем, будущее Мамона мне до лампочки...

Крыло выпил залпом стакан водки, закусил толстым шматком сала, прикурил папиросу, несколько раз со вкусом затянулся и вновь заговорил лекторским тоном:

– Перейдем к Лорду. В отличие от Векшина, который весь на виду, Арсеньев может показаться загадкой, но не для меня. Он по натуре типичный волк-одиночка. Вам доводилось когда-либо бывать на настоящей охоте – положим, на тех же волков? Нет? А мне доводилось. Я видел вблизи глаза загнанного израненного волка. Помимо бессильной ярости, знаете, что в них? Отчаяние! Такой вполне способен вцепиться в глотку напоследок... если сумеет. Поэтому на Лорда надо набрасываться дружно, скопом, не давая опомниться, и бить, бить, бить!!! Бить до тех пор, пока Арсеньев не утратит человеческий, пардон, волчий облик, ну, а после... хе-хе! Здравствуй, розовая попка, и прощай[22 - Крылов похабным образом переиначил отрывок из известной блатной песни «Мурка», который в действительности звучит так: «Здравствуй, моя Мурка, и прощай».]!

Приободренные козлы радостно и облегченно загоготали. Веселье ссученной кодлы представляло собой весьма гнусное зрелище. Михаил Лимонов захлебывался обильной слюной, визгливо влаивал и громко портил воздух. Красный как рак Суидзе подавился куском колбасы и, опрокинув табуретку, бросился к параше блевать. Осужденный за мужеложство Ключков аж трясся в похотливом предвкушении. Шамиль Удугов сладострастно постанывал, похрюкивал и причмокивал. Упоминание о «розовой попке» не на шутку возбудило Джигита, подобно Клюке, и на свободе любившего такого рода «развлечения». Впрочем, среди чеченцев это никогда не считалось большим грехом[23 - Мужеложство действительно распространено среди чеченцев. В отличие от России, там оно особо не осуждается.]

– Об офицеришке же, фамилию не помню, а погоняло Вояка, вовсе базарить не стоит, – терпеливо дождавшись, когда прессовщики успокоятся, подытожил козлиный главарь. – Он вообще новичок за решеткой. Сапог, блин, фуев! Не чета ни Мамону, ни тем более Лорду. Шваль! Года три назад мне довелось петушить в некотором роде его коллегу-прапора из конвойных частей Валеру Лебедевича по прозвищу Лебедь. Как щас помню спектакль! Он попался на поставке в зону наркотиков и на следствии, мудака, сдал с потрохами «хозяина» зоны полковника Буракова, который в том промысле солидную долю имел. Бураков, подмазав кого следует, выкрутился. Валере отломили пять лет. Но менты не простили ему излишней болтливости. Не удовольствовались одной посадкой. Клановая

солидарность у них о-го-го!!! В результате передали нашему гражданину начальнику Фелицину ненавязчивую просьбу – отпидорасить языкастого прапора. Заходит Валера, значит, в камеру, а я как гаркну: «В позу, падла, иначе почки отобью!» Лебедь тут же спустил штаны и брык на четвереньки! К-к-красота! Очень послушная «девочка» попалась! Мне даже не хотелось отдавать Леру обратно «куму»! Она так старалась, так старалась...

Ссученные снова заржали, а Крылов, устав разглагольствовать, потянулся за бутылкой. Лимонов с благоговением посмотрел на пахана.

«Однако голова! – уважительно подумал Михаил. – Есть чему поучиться!»

* * *

21 час 55 минут

Узнав, что его отправляют в пресс-хату, Мамон, изрыгая проклятия, бросился с кулаками на надзирателей, но был жестоко избит резиновыми дубинками, умело скручен и, сдавленно рычащий, согнутый пополам от боли в вывернутых руках, волоком доставлен к пункту назначения. Затолкнув Векшина вовнутрь, вертухаи с лязгом захлопнули дверь. Иннокентий Иванович – худощавый, среднего роста мужчина лет сорока пяти – немедленно прижался к ней спиной, затравленно оглядывая стаю прессовщиков. В глазах его застыл перемешанный с ненавистью страх.

«Однако психолог наш пахан незаурядный, – мысленно отметил Михаил Лимонов. – Проводя инструктаж, словно в воду глядел. Боится вор! Ох как боится!»

– Так вот ты каков, знаменитый Мамон! – с гадкой ухмылочкой произнес Крылов. – Милости прошу к нашему шалашу. Чувствуй себя, как дома. Гы-гы! Да, забыл предупредить: в кормушку[24 - Специальное отверстие в двери камеры, через которое заключенные получают пищу.] можешь не орать и из камеры не ломиться. Отсюда тебя по-любому до утра не выпустят. На сей счет имеется особая директива «кума»... Да не стесняйся, вор, присаживайся возле параша. Другого свободного места у нас, увы, нет.

– С-суки рваные!!! – прохрипел бледный до синевы Мамон. – Козлы позорные!!!

– Ничего не попишешь, должность такая! – с притворным сокрушением вздохнул пресс-хатовский пахан. – «Кум» приказал тебя опустить, и мы вполне в состоянии повернуть это дельце. Пристяжь твоя далеко, сквозь каменные стены да железные решетки не пробьется. Нас пятеро против одного. Ребята все крепкие, в прошлом спортсмены. Заломают однозначно! Н-да-а-а уж! Положеньице твое аховое, врагу не пожелаешь! Представляешь: сегодня зашел сюда вором в законе, а завтра утром выйдешь петухом!.. Силком не силком – какая братве разница! Опустили – значит, опустили! Бац – и нет авторитета! Тебе даже покончить с собой в настоящий момент нечем!

Векшин, стиснув зубы, молчал. Он понимал – козлий вожак говорит правду. Сердце Иннокентия Ивановича сдавили ледяные тиски страха. Попасть с ходу в низшую зековскую касту ему, Мамону, столько лет безраздельно властвовавшему на криминальном Олимпе! Представить невозможно!..

«Если б я знал заранее, если б знал! – с безысходной тоской думал вор в законе. – Повесился бы от греха или на ментовский ствол бросился! А сейчас... и веревки под рукой нет, и ссученные не дадут! Вон какие мордатые, твари!!!» Векшин с трудом сдержал подступившие к глазам слезы. Как правильно предугадал старожил пресс-хаты Крылов, панический страх отуплял разум Мамона, парализовал его волю. Губы Иннокентия Ивановича чуть заметно дрогнули, на лице появилась печать обреченности. Внимательно наблюдавший за мимикой жертвы, Юрий Крылов хитро прищурился. «Пора переходить ко второй стадии», – мысленно решил он и вкрадчиво произнес:

– Знаешь, Мамон, сказать по правде, у меня нет ни малейшего желания тебя петушить! Ты же человек-легенда! Я в натуре восхищаюсь тобой! Матерью клянусь! Но... деваться-то нам некуда! Посуди сам: допустим, мы откажемся выполнять приказ «кума», Афанасьев рассвирепеет, пресс-хату расформируют, ребят разбросают по обычным камерам и... ты отлично понимаешь, что там произойдет! – Придав своей физиономии удрученное выражение, козлий главарь горестно покачал массивной лысой угловатой башкой.

– А вдруг удастся договориться с Иннокентием Ивановичем? – дождавшись тайного знака от пахана, включился в спектакль Лимонов.

- То есть? - «удивился» Крыло.

- Мы посылаем Афанасьева на хер, а Мамон гарантирует нам неприкосновенность в дальнейшем, - пояснил Михаил.

- Гм-м, предложение, конечно, интересное! - задумчиво пробормотал пресс-хатовский пахан. - Ин-те-ре-сное! - нараспев повторил он вдруг и, гигантским прыжком подскочив к Векшину, загремел набатным колоколом: - Ты подписываешься[25 - Подписаться - согласиться на предложение. В данном контексте «дать слово», отказаться от которого вор в законе по понятиям не имеет права.], Мамон? Отвечай быстро! Подписываешься или нет?! Не тяни! Сейчас решается твоя судьба! Через несколько секунд будет поздно! Итак, да или нет?!

- Да! - выдавил ошалевший, запутавшийся в происходящем Иннокентий Иванович.

- Парни не расслышали! Скажи отчетливо: «Обещаю вам поддержку», - гулким басом настаивал вожак ссученных. - Ну говори, говори, говори!!! Решается твоя судьба! Промедление смерти подобно!

- Я обещаю вам поддержку, - послушно повторил окончательно выбитый из колеи Мамон, и в следующий миг тяжеленный кулак Крылова врезался ему в солнечное сплетение. Скрючившись в диком спазме боли, Векшин упал на пол.

- Видели, хлопцы?! - обернувшись к кодле, заорал пресс-хатовский пахан. - Коронованный вор в законе дает поддержку людям, работающим на «кума»!!! Стало быть, Кешка отныне не вор, а такой же, как мы!

Ссученные дьявольски загоготали, повскакивали со шконок и, словно стервятники на падаль, бросились на скорчившегося у дверей человека. Иннокентия Ивановича отволокли в центр камеры, сноровисто связали по рукам и ногам свернутыми жгутом простынями и принялись безжалостно избивать.

- Однако здравствуйте! - хрипло завывал Михаил Лимонов, усердно пиная Векшина под ребра. - Нашего полку прибыло! Ура-а-а!!!

– Вах, вах, кончился вор! – гортанно выкрикивал Шамиль Удугов, норовя попасть Мамону непременно в пах. Крылов, скалясь в омерзительной гримасе, прицельно бил жертву по почкам. Шашлык с Клюкой визжали, как ведьмаки на шабаше, причем Суидзе, присев на корточки, яростно хлестал вора по лицу, а Клюйков неистово молотил его по затылку чулком, набитым песком.

– Ша! – спустя десять минут рявкнул Крылов. – Перерыв!

Козлы дисциплинированно отступили.

– Ты больше не вор... не вор... не вор, – склонившись к уху Мамона, гипнотически зашептал старожил пресс-хаты. – Ты сломался, Кеша! Сломался! Тебя конкретно опустили, опустили, опустили! Ты уже петух... петух... петух!!!

Мамон безразлично молчал. Истерзанное тело распирала страшная боль. В отбитой, замутившейся голове воцарилась абсолютная сумятица. Он утратил волю к сопротивлению, впал в протрацию, перестал отличать реальность от вымысла и в прямом смысле находился на пороге сумасшествия. Да и немудрено было!

Распаленный до предела страх, потом призрачная мимолетная надежда на благополучный исход и резкий, неожиданный переход к жесточайшему морально-физическому прессингу! Не у всякого психика выдержит! В общем, многоопытный прессовщик Юрий Крылов хорошо знал, что делает. Недаром он пользовался особым расположением «кума» Афанасьева.

«Созрел!» – заглянув в опустевшие глаза Мамона и гнусно торжествуя, подумал Крыло и приглашающе махнул рукой подручным. Ссученные подхватили Векшина под мышки, подтащили к двери, окунули лицом в парашу и спустили с бывшего вора штаны. Мамон не сопротивлялся.

15 декабря

Камера № 66

6 часов 15 минут утра

Вплоть до утра козлы по очереди глумились над сломленным Векшиным. В подробности вдаваться не стану, поскольку на дух не выношу порнуху и уж тем паче половые извращения!

В камере воняло потом, кровью, растревоженным содержимым параши... Пока одни ссученные «трудились» над несчастным Мамоном, другие покуривали анашу и периодически вступали в агрессивные перепалки то из-за наркотика, то из-за места в очереди. Суетливый «шестерка» Вася Ключков даже получил по скуле от Удугова:

– Нэ лэзь впэред старших, щэнок!..

– Однако время! – в шесть утра сипло сказал Михаил Лимонов. – С минуты на минуту за ним придут! Юрий!

– Отбой! – покосившись на часы и удостоверившись в правильности заявления Михаила, скомандовал Крыло.

Иннокентия Ивановича оставили в покое. Лежащий около параши, бывший вор в законе производил удручающее впечатление: замершее в неестественной позе скрюченное, испоганенное тело, распухшее от побоев, перемазанное экскрементами лицо, стеклянный взгляд безумца... Пресс-хатовцы лениво переговаривались, с удовольствием вспоминая подробности ночной вакханалии.

– Ах, вах, ха-ра-шо! – сыто урчал Шамиль Удугов.

– Прекрасно порезвились! – сально хихикая, вторил ему Василий Ключков.

Николай Суидзе, похабно причмокивая толстыми ярко-розовыми губами, словно наевшийся вурдалак, набивал пустую «беломорину» перемешанной с табаком анашой.

– Здорово ты просчитал психологию пассажира[26 - В данном контексте – жертвы.]. Буквально от «а» до «я»! – верноподданнически тараша выпуклые воловьи глаза и с хрустом почесывая небритые щеки, говорил Крылову Лимонов. Пресс-хатовский пахан расслабленно возлежал на шконке и самодовольно ухмылялся...

Вскоре дверь распахнулась. На пороге возникли два дюжих вертухая – прапорщики Геннадий Яковлев и Павел Барсуков.

– Забирайте свежее испеченную «девочку», – фамильярно обратился к ним Крылов. – Заказ гражданина майора полностью выполнен. Хе-хе!

На лице Яковлева, до глубины души презиравшего ссученных, появилась брезгливая гримаса.

– Встать, дерьмо собачье, когда разговариваешь с надзирателем! – сквозь зубы процедил он. – Порядок, сука, забыл? Так я те живо напомню! – Геннадий многообещающе положил ладонь на подведенную к поясу резиновую дубинку. Крылов поспешно вскочил. Весь апломб козлиного главара бесследно улетучился. Поджилки Юрия предательски затряслись. Грубо вылепленная противная физиономия посерела и покрылась мелкими бисеринками пота. Крылов боялся до желудочных коликов малейшего проявления немилости со стороны любых тюремных властей. Пусть даже простых прапорщиков.

– Прости-и-ите, гражданин начальник! – испуганно проблеял он.

«Перетянуть бы гниду разок-другой дубинкой по гнусной харе! – мечтательно подумал Яковлев. – Чтоб кровью, падла, умылся! Да жаль, нельзя! Любимчик Афанасьева, в рот ему дышло!»

Барсуков, сохраняя невозмутимое спокойствие, легонько толкнул ногой Мамона:

– Вставай, пора уходить!

Векшин, шатаясь, поднялся.

– Летающая тарелка давно приземлилась? – мертвым голосом осведомился он. – Меня ждет братва из созвездия Альфа Центавра. Общий сходняк назначен на планете Сириус. Опаздывать не годится, а то вселенская катастрофа разразится.

Прапорщики переглянулись.

– Рехнулся урка! – шепнул Яковлев на ухо Барсукову. – Голову на отсечение даю!

– Может, косит? – усомнился Павел.

– Нет. Точно спятил! Посмотри ему в глаза!

– Да, Гена, ты прав! – немного поразмыслив, согласился Барсуков. – Но для экс-вора это, пожалуй, наилучший выход. По крайней мере не понимает, в кого его превратили!

– Тарелка приземлилась пять минут назад. Тебя, Иннокентий, дожидается. Пойдем быстрее, скоро старт, – с плохо скрытой жалостью сказал Векшину Яковлев.

– Идем, идем! – обрадовался сумасшедший и, заплетаясь ногами, первым вышел в коридор. Надзиратели последовали за ним. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась.

– Борзеют менты проклятые! – благоразумно дождавшись, пока вертухаи удалятся на приличное расстояние, злобно гавкнул Крыло. – Ненавижу тварей легавых! Живьем бы зажарил всех до единого!

– Ты ж, Юра, сам на них пашешь! – сдуру ляпнул не блещущий интеллектом Клюка. – И мы... – Развить мысль Василий не успел.

Разъяренный пахан с размаху заехал молодому мужеложнику в челюсть. Пролетев без малого три метра, Ключков приземлился задом прямехонько на парашу. Придурковатый Джигит согнулся в неистовом припадке хохота. Остальные члены ссученной кодлы наперебой вторили Удугову.

– Мастерский удар, – отсмеявшись сколько положено, льстиво заметил Лимонов. – Мяч угодил точно в сетку! Ты, Юра, натуральный чемпион! Высшая лига, однако!

Гнев падкого на лесть Крылова постепенно сошел на нет.

– Курнем травки на сон грядущий, – милостиво усмехнувшись, предложил он. – Вечером предстоит уделать Лорда. Задача не из простых. Надо успеть хорошенько выспаться!

– Однако, верно, – подхалимски лыбясь, поддержал заслуженного прессовщика Михаил. – Шеф, как всегда, прав!!!

– Ладно, чмырь, слазь с параши! – затянувшись косяком, позвал мало-мальски очухавшегося Клюку Крылов. – Черт с тобой, молокосос! На первый раз прощаю!

Вжав голову в плечи, Василий робко подковылял к столу...

* * *

21 час 55 минут

Олег Арсеньев по прозвищу Лорд – поджарый, средних лет мужчина с мужественным волевым лицом и глубоко раздвоенным подбородком – шел в пресс-хату внешне спокойно, не заставляя надзирателей выкручивать себе руки. Берег силы для жестокой, последней в жизни схватки. Вместе с тем душа Олега стонала в отчаянии. «Афанасьев, пидор мокрожопый! – в волчьей тоске думал Лорд. – Сжил-таки со свету, крысеныш помойный! Расстарался, урод! Или нет, скорее Фелицина работа! Опасается бунта в «крытой», а потому хочет изначально обезглавить братву! Мамона ссученные вчера опустили. Бедняга конкретно сошел с ума. Наверное, в психушку поедет... Теперь решили взяться за меня... Ну ничего, выкидыши свинячи! Живым не возьмете! Не надейтесь, б...и[27 - В данном контексте это не просто ругательство, а синонимы слов «козлы» и «ссученные».]! Зубами вас буду рвать, пока не сдохну! Эх, жаль, отмахнуться нечем! Заточку[28 - Самодельный нож.] вертухаи отобрали!

В пресс-хате Арсеньева уже ждали. Едва закрылась дверь, козлиная стая без предисловий бросилась на Олега. Как и предвидел козлиный пахан, Лорд оказал отчаянное сопротивление. В запале вырвавшегося вперед Удугова он молниеносно хлестнул обратной стороной ладони по глазам и, ухватив за воротник тюремной робы, резко притянул к себе, впечатав чеченца лбом в обитую железом дверь. Приглушенно ахнув, Джигит упал на колени. Ключкова Олег на секунду «обезручил», содрав куртку с плеч до локтей, и жестоким ударом головы в морду отбросил мужеложника назад. Но, к сожалению, силы были слишком неравны. Арсеньева задавили массой. Подкравшийся сбоку Лимонов ловко набросил на него одеяло. Ссученные повалили Лорда на пол и, яростно воя, принялись избивать: топтали ногами, с разбегу прыгали на

туловище, на лицо. Тем не менее Олег не сдавался. Из положения лежа он ухитрился достать Суидзе пяткой в пах. Шашлык пронзительно заверещал. Бешенство козлов достигло апогея. В ход пошли табуретки. В результате, когда они наконец, утомившись, отступили, Лорд представлял собой сплошное кровавое месиво: с переломанными костями, разбитой головой и бесформенной кашей на месте лица. Из черного провала рта, лишённого зубов, пузырясь, текла кровь. Олег умирал. Это было ясно с первого взгляда. Живыми оставалась лишь темно-синие напоенные ненавистью глаза.

– Вы все трупы! – неожиданно отчетливо произнес умирающий. – И смерть ваша будет страшна! Попомните мои слова! Суки!!!

– И-и-и! – дико взвизгнул Суидзе, табуреткой раскроив Арсеньеву череп. Тело Лорда, дернувшись, застыло.

– Упорный... волчара... попался! – выдохнул запыхавшийся Юрий Крылов, утирая рукавом взопревшую физиономию.

– Яйца мне отбил, зараза! До сих пор звенят от боли! – плаксиво пожаловался Шашлык.

– Ничего! Воздержисься месяцок от онанизма! – сострил Крыло.

Вопреки ожиданиям пахана, обитатели пресс-хаты не засмеялись. В ушах прессовщиков гремели предсмертные слова Арсеньева: «Вы все трупы, и смерть ваша будет страшна!» Суки отлично знали – покойный Лорд прав. Впереди у каждого из них маячат самые зловещие перспективы! Как за решеткой, так и на свободе. За всю историю советских тюрем почти никому из пресс-хатовских козлов не удалось избежать ужасающего возмездия. Обычно данная тема в камере номер 66 не затрагивалась, о грядущем ее постояльцы старались не думать, но сейчас... Сейчас затоптанный до смерти Лорд сумел всколыхнуть в гнилых душонках холуев «кума» Афанасьева тягостные дурные предчувствия. Наглые раскормленные рожи ссученных вытянулись, посмурнели. Конечности тряслись. По шукурам бегали мурашки озноба.

– Не бздите, архаровцы, – попытался расшевелить приунывшую кодлу Крыло. – Помните поговорку «Умри ты сегодня, а я завтра»? Так вот, сегодня скопытился Лорд, а завтра... Ха! Поживем – увидим! Авось сумеем благополучно выпутаться!

Утешение прозвучало не слишком убедительно. Во-первых, пресс-хатовский пахан не сумел скрыть некоторую дрожь в голосе. Во-вторых, его недавний прогноз «Здравствуй, розовая попка, и прощай» не оправдался ни на йоту! Арсеньев умер, но не сломался и даже мертвый, изуродованный до неузнаваемости больше походил на человека, нежели козлы. Соответственно репутация Крылова как неординарного провидца заметно пошатнулась.

Мрачный, насупленный Михаил Лимонов нервически почесывал давно не мытое тело. Николай Суидзе расстегнул штаны и, болезненно морщась, дул на ушибленные мужские принадлежности. Шамиль Удугов, хмуро сопя, ощупывал вскочившую на лбу лиловую внушительных размеров шишку. Василий Ключиков трусливо пошмыгивал кровоточащим носом...

– Слюшай, за труп нас нэ привлэкут? – первым прервал затянувшуюся паузу чеченец.

– Не волнуйся, Джигит! – обрадовался возможности сменить тему Крыло. – Али ты новичок в «крытой»? Начальство традиционно списывает убитых на болезни: цирроз печени, сердечная недостаточность, туберкулез... У Лорда, правда, башка пополам расколота, но так ему пришьют диагноз «кровоизлияние в мозг». А кто проверит? Хоронить-то будут на тюремном кладбище, ночью, без свидетелей. Засыпят землицей – и усе! Шито-крыто! На эксгумацию да судебно-следственную экспертизу Арсеньеву рассчитывать не придется! Любящий «кум» костями ляжет, но из соображений гуманизма не позволит тревожить прах усопшего! Гы-гы!

Ссученные тихонько захихикали.

– Забьем пару косячков, парни! – продолжил развивать успех козлиный пахан. – Затем выпимся, отдохнем капитально, а завтра вечером Вояка! Бесплатное развлечение, хе-хе!

Обстановка в пресс-хате разрядилась. Шамиль Удугов принялся деловито начинать анашой две выпотрошенные «беломорины», остальные подсели ближе к столу.

– Эй, Клюка! – приказал «шестерке» Крылов. – Покличь вертухаев. Пусть заберут жмурика...

16 декабря

Карцер

20 часов 20 минут

Крохотная камера-одиночка. Бетонные пол и стены «под шубу». К левой от входа стене пристегнута на замок единственная «мебель» – лежак, который откидывали только на ночь. Температура воздуха не превышала нуля градусов. В углах и на потолке виднелись следы инея. Посреди карцера сидел на корточках ладно скроенный широкоплечий мужчина двадцати восьми лет от роду – бывший капитан воздушно-десантных войск Константин Иванович Дерюгин, получивший в тюрьме прозвище Вояка. Прикрыв серые глаза, он дремал. Из рта капитана при дыхании шел пар. Константину снился Афганистан, вернее – тот последний жестокий бой в августе 1986 года. Именно за него Дерюгина «наградили» пятнадцатилетним сроком лишения свободы (первые пять лет на тюремном режиме). Жара, духота, пылица, пороховая гарь. Высоко в небе белесое, нещадно палящее солнце. Под ногами пожухлая желтоватая трава. Вокруг – грохот разрывов мин и гранат, беспорядочная трескотня выстрелов, яростные вопли обороняющихся «Аллах акбар!», матерная брань атакующих. Отряд спецназа ВДВ под командованием капитана Дерюгина штурмовал небольшой, но довольно грамотно укрепленный кишлак, где засела банда душманов, сутками раньше обманом заманившая в ловушку и поголовно уничтожившая отделение саперов из расквартированного неподалеку полка (согласно приказу командования они помогали «мирному афганскому населению» – разминировали территорию). Кишлак располагался у подножия горы, а посреди него на верхушке мечети засели пулеметчики-моджахеды, уже успевшие уложить наповал двух русских солдат. Невзирая на строжайшее распоряжение начальства «не трогать мусульманских святынь», Константин лично уничтожил пулеметное гнездо несколькими выстрелами из гранатомета, снеся заодно половину минарета. А что, спрашивается, капитану оставалось делать? Позволить грязным чучмекам дальше безнаказанно гробить его пацанов лишь ради того, чтобы сберечь молельню бородатых еретиков, которую они, кстати, сами же и подставили? Ну уж нет! Дудки!

Тем не менее это стало первым пунктом обвинения. А вторым... Подавив сопротивление духов и заняв селение, спецназовцы Дерюгина обнаружили в сарае тела недавно угодивших в засаду саперов. «Воины ислама» зверски надругались над убитыми – отрезали им головы, половые органы, вспороли и набили грязью животы. А с трех раненых заживо содрали кожу.

– Н-да-а-а! – оглядев жуткую картину, угрюмо протянул Константин. – Пленных взяли?

– Так точно, пятерых! – осевшим голосом ответил сержант Климов, тоже шокированный кошмарным зрелищем.

– Веди тварей сюда!

Зная о выкрутасах некоторых генералов-перестройщиков, успевших заразиться гниlostным горбачевско-сахаровским душком, Дерюгин не стал отдавать подчиненным «противозаконных» приказов. Он просто снял с плеча автомат и собственноручно расстрелял недобитых садистов...

– Слышь, капитан, а, капитан, – донесся из отверстия кормушки осторожный голос прапорщика Яковлева.

– Да? – подняв веки, откликнулся Константин.

– Подойди, дело есть.

Дерюгин неторопливо приблизился к двери.

– «Кум» Афанасьев люто на тебя обозлился, – взволнованно зашептал Геннадий. – Велел бросить на ночь в пресс-хату. Подонки там собрались редкостные! Клейма ставить негде! Не люди, блин, взбесившиеся гиены! Позавчера они опетушили вора в законе Мамона – бедолага в результате напроць свихнулся, вчера забили до смерти авторитета Лорда. Сегодня твоя очередь. За тобой придут незадолго перед отбоем! – Яковлев повертел шейей, проверяя, нет ли поблизости посторонних. – Поверь, капитан, я искренне тебе сочувствую! – На лице прапорщика отразилось неподдельное сожаление. – У меня брат под Кандагаром погиб. В общем, хочу помочь! Давай так... Я принесу

бритву или веревку. Ты симулируешь попытку самоубийства. Я буду наготове, подоспею вовремя, подниму тревогу!.. Тебя отправят в санчасть. Перекантуешься там недельку-другую, а дальше... дальше, даст бог, обойдется! – Геннадий выжидательно замолчал.

– Нет, не надо! – холодно улыбнулся Константин. – За заботу спасибо, но веревки с мылом ты лучше для прессовщиков приготовь. Им они больше понадобятся.

Пораженный прапорщик отступил на шаг. Происходящее никак не укладывалось в его сознании. Человек не боится пресс-хаты с пятью здоровенными, разожравшимися на «кумовских» харчах мерзавцами внутри?! Абсурд! Ведь одно лишь упоминание о злополучной камере номер 66 заставляет сжаться сердце любого самого крутого постояльца «крытки»! Вместе с тем Яковлев нутром почуял – «афганец» вовсе не хорохорится. Просто ему плевать с высокой колокольни и на «кумовскую» немилость, и на злобную свору дрессированных козлов. От бывшего спецназовца исходила мощная волна властной уверенности в себе. В серых глазах отражалось абсолютное презрение к надвигающейся опасности.

«Настоящий боец! – с уважением подумал Геннадий. – Будет драться до последнего! Не обращая внимания на численное превосходство противника. Не опасаясь ни смерти, ни увечий, ничего! Жаль, что такой классный мужик погибнет, превратится в окровавленный кусок мяса... или наоборот? Может, ссученным действительно вскоре позарез понадобятся веревки с мылом? В случае провала их миссии не отличающийся гуманностью майор Афанасьев запросто расформирует пресс-хату, без сожаления отдаст былых холуев на растерзание заключенным. Гм-м, судя по всему, подобный вариант не исключается. Ведь в конечном итоге побеждает не тот, кто сильнее физически, а тот, у кого крепче дух!»

– Ладно, как знаешь! – вслух сказал Яковлев. – Удачи тебе, капитан!

Дождавшись, пока надзиратель уйдет, Константин оборотился лицом на восток, истово перекрестился и начал шептать православные молитвы: сперва «Отче наш», потом своему ангелу-хранителю и наконец великомученику Дмитрию Солунскому[29 - Великомученик Дмитрий Солунский в земной жизни был воином и почитается на Руси покровителем воинов. На иконах он изображается в доспехах, с копьем и мечом в руках.]... Закончив, он снова перекрестился, с минуту постоял неподвижно и принялся не спеша разминаться...

* * *

Камера № 66

21 час 50 минут

В ожидании «бесплатного развлечения» ссученные возбужденно переругивались, распределяя второе, третье, четвертое и пятое места в очереди. Первое безапелляционно, не вступая в дискуссии, занял пахан.

– Нэ лэзь, малчышка! – рычал Шамиль Удугов на Васю Ключикова, нагло вознамерившегося пристроиться вслед за Крыловым. – Иначе зашибу! Вах!!!

– А я третий однозначно! – хрипло утверждал Михаил Лимонов. – Имею полное право.

– С какой это стати? – слюняво возмущался Николай Суидзе. – Оборзел?! По мордасам давно не получал! Или тебе стиль синьюцюань[30 - Один из самых эффективных и опасных стилей кунг-фу (оно же ушу).] продемонстрировать?

– Пошел на хер, кунгфуист сраный! – задиристо огрызался Лимон. – Школа киу-ка-шинкай[31 - Довольно сильная школа карате. Правда, ее представители неважно работают руками и чересчур увлекаются «верхними» ударами ног, красиво смотрящимися со стороны, но не слишком эффективными в реальном поединке.] покруче твоих китайских выкрутасов! Двину по мозгам – мало не покажется!

– Чо-чо-чо?! – вскочив на ноги и растопырив пальцы, принял некую боевую стойку разъяренный Шашлык.

– Через плечо негорячо! Увянь, мудака! – стискивая кулаки, поднялся из-за стола Михаил.

– Ша! – свирепо рявкнул Крылов. – Прекращайте склоку, кретины! Пассажир на подходе! А вы тут, блин, базар устроили! Порядок очередности определите жеребьевкой. Кому моя идея не по душе, башку в натуре отверну!

Козлы мгновенно притихли и лишь злобно косились друг на друга. Вскоре дверь отворилась. В камеру зашел подтянутый плечистый мужчина с военной выправкой и окинул прессовщиков жестким пронизывающим взглядом. Лимонов, самый сообразительный из присутствующих, оцепенел. В серых глазах Вояки не было ни страха, ни отчаяния, ни даже ненависти. Только смертельный холод. У Михаила как-то сразу возникла ассоциация с остро заточенным лезвием казачьей шашки[32 - Ассоциация вовсе не случайная. Казачья шашка, пожалуй, самая страшная разновидность холодного оружия. Например, разрубить человека пополам (наискосок от ключицы до бедра) в былые времена мог каждый третий строевой казак, а уж снести голову – практически любой! За долгие века непрерывных войн казаки разработали изощреннейшую технику фехтования, которой пресловутое японское кендо в подметки не годится. О том, как рубились донские казаки, вы можете прочитать в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон».]. «Однако стремно!» – мелькнула в голове Лимона трусливая мыслишка. Он уже понял – с «бесплатным развлечением» связываться не стоит и лучше в целях собственной безопасности держаться от него подальше! Михаил страстно возмечтал сделаться невидимкой или хотя бы провалиться сквозь землю.

– Кто первый? – между тем спокойно осведомился Константин.

– Я! – вспомнив чмошного Валеру Лебедевича, гнусно осклабился пресс-хатовский пахан, плотоядно потирая ладони, встал со шконки и вразвалочку приблизился к «клиенту».

В следующий миг случилось непредвиденное. Не меня невозмутимого выражения лица, Константин нанес два сильных молниеносных удара, слившихся практически в единое целое. Первый, необычный (не внешним, а внутренним ребром ботинка), пришелся в колено, второй – ребром ладони под небольшим углом к носу – по верхней губе. Нога козлиного главаря пошла на излом. Громко треснули сустав и рвущиеся сухожилия, но боли Крыло ощутить не успел. Потеряв сознание, он мешком рухнул на пол[33 - Верхняя губа – одна из наиболее уязвимых частей тела. В этом месте носовой хрящ срастается с черепной костью, а нервы расположены совсем недалеко от кожного покрова. Тот удар, который нанес Дерюгин, приводит к сотрясению мозга и потере сознания.].

– Раз! – хладнокровно произнес бывший спецназовец и, не мешкая, обрушил железный кулак на челюсть подвернувшегося под руку Джигита. Хрустнула раздробленная кость. Бесчувственный чеченец упал прямо на поверженного пахана. – Два! – Нога Вояки врезалась в промежность растерявшемуся Клюке, навсегда лишив его мужского достоинства. – Три! – продолжил счет «афганец», перешагивая через корчащегося на полу, пронзительно, на одной ноте визжащего Васю и направляясь к трясущемуся от ужаса, начисто забывшему про «стиль синьюцюань» Шашлыку.

«Однако шухер!!!» – в панике подумал Михаил Лимонов, проворно прячась под шконку и забиваясь как можно дальше к стене. Уже оттуда он услышал грохот, произведенный свалившейся на стол увесистой тушей Суидзе, и заpolошный крик очнувшегося Крылова:

– Гра-аж-да-не началь-ни-ки!!! На по-о-мощь! У-би-ва-а-а-ают!..

Настоящее

Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Екклезиаст, 1, 9

Первые числа декабря 1999 года.

Ближнее Подмосковье. Роскошный особняк олигарха Крымова

Утро

1

Накануне ночью один из влиятельнейших людей постперестроечной России, тесно связанный с кремлевской камарильей, сколотивший колоссальное состояние на бессовестном разграблении страны, олигарх (или, как

дипломатично выражались прикормленные СМИ, «известный предприниматель») Семен Афанасьевич Крымов спал плохо. Грезилась олигарху невероятная жуть, а именно: к власти пришли так называемые «державники», Крымова незамедлительно отдали под суд и приговорили к исключительной мере наказания – расстрелу, вновь введенному в употребление наплевавшими на доносящийся с Запада истеричный масонский лай «державниками». В последний момент «вышак» заменили пожизненной каторгой, и сейчас, во сне, Семен Афанасьевич, обливаясь потом, орудовал киркой в душной каменоломне. От пыли и каменной крошки слезились глаза, грудь раздирал кашель, изможденное тело ныло от усталости, а сердце Крымова терзал животный ужас. Дело в том, что бывший финансовый воротила, ныне заключенный номер 666, за завтраком стянул пайку хлеба у некоего Сергея – психически неуравновешенного, скорого на расправу субъекта. Благодаря недюжинной по сравнению с остальными каторжниками физической силе Сергей (ни его фамилия, ни внешность, ни прежнее общественное положение во сне не фигурировали) канал в бараке за пахана. Семен Афанасьевич имел полные основания опасаться с его стороны жестокого возмездия, поскольку другой зек, в прошлом скандально знаменитый депутат Государственной думы по кличке Жирик, вроде бы видел, как Крымов воровал пайку, а если так, то однозначно заложит. В Думе Жирик продавался направо-налево за баксы. В лагере стучал всем кому ни попадя. Тоже, разумеется, не бесплатно! В качестве гонораров ему кидали объедки со стола, а иногда (в особых случаях) кусочек-другой сахара.

– Сдаст с потрохами, ублюдок кучерявый, коли засек! – в отчаянии шептал экс-олигарх, долбя киркой неподатливую скальную породу. – Стопроцентно продаст, сволочь, а беспредельщик Сережка непременно зарежет! О е-мое-е-е!!! Как же мне выкрутиться? Ка-а-а-ак?!

– Попался, крысятник[34 - Крысятником на зонах называют заключенного, который обворовал другого заключенного, коллегу по несчастью.] вшивый! – внезапно услышал Крымов грозный рык за спиной. Руки Семена Афанасьевича ослабели, ноги подкосились, кожа покрылась мелкими пупырышками озноба. Заключенный номер 666 медленно-медленно обернулся. К нему в сопровождении паскудно хихикающего Жирика приближался Сергей с заточкой на изготовку. Черты лица барачного пахана различить не представлялось возможным (плоский белесый овал на месте физиономии), зато самодельный нож был виден очень даже хорошо – большущий, тускло поблескивающий, острый словно бритва... С ревом «Получи расчет, падла!» Сергей прыгнул на бывшего олигарха, повалил его на спину, оседлал, придавил коленом впалый живот и, садистски урча, начал не спеша перепиливать ножом тощую шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Начальник оперативно-следственной части. В «крытых» тюрьмах чрезвычайно влиятельная фигура, фактически вторая по значению после «хозяина» – начальника тюрьмы. (Здесь и далее примеч. авт.)

2

Например, в те годы в отделения милиции спускали сверху специальные разрядки: «выловить за день не менее такого-то количества пьяных». В результате вас элементарно могли задержать на улице, всего-навсего учуяв запах перегара. Существовали квоты на «выявление – искоренение» любителей спиртного и среди самих ментов. Так, по рассказу одного майора МВД в отставке, с его товарища сорвали погоны за распитие с коллегой бутылки шампанского в служебном кабинете по окончании рабочего дня (второй злоумышленник «счастливо» отделался строгим выговором с занесением в личное дело).

3

В 1953 году в результате массовой давки, возникшей на похоронах Сталина, по некоторым оценкам, было затоптано до смерти от одной до полутора тысяч человек.

4

Козел – заключенный, сотрудничающий с тюремной или лагерной администрацией.

5

Курят.

6

Наркотиками.

7

В данном контексте – доносят, стучат.

8

Ссученный – синоним термина «козел».

9

Изнасиловать.

10

Пересыльная тюрьма.

11

В «крытых» тюрьмах в то время существовали следующие нормы питания: если не работаешь – сидишь на пониженной пайке (в сутки четыреста граммов хлеба и черпак баланды), если выводят на работу – получаешь вечером дополнительные сто граммов хлеба. Кроме того, работающие имели возможность периодически отовариваться в ларьке, если не сами, то через осужденных с менее тяжелым режимом заключения. Таким образом, вывод камеры на работу считался большой привилегией, а невывод – суровым наказанием (подробнее см.: В.Пономарев, Е. Гончаревский. Записки рецидивиста. М., СПб.; 1997, с. 229 – 264).

12

Специально отведенное место в лагерном бараке или в тюремной камере, где живут опущенные зеки.

13

Статья за мужеложство в отношении несовершеннолетних. Предусматривала наказание до восьми лет лишения свободы.

14

Шконка – кровать, нары.

15

У закоренелых наркоманов вены настолько испорчены, что с каждым разом удачное введение в организм наркотика становится для них все большей проблемой.

16

Колотья.

17

Законах преступного мира.

18

Масть – та или иная уголовная каста. Высшая из них – вор в законе. Низшая – петух, то есть пассивный педераст, используемый заключенными в качестве бабозаменителя. Петухи бесправны, забиты и выполняют самую грязную работу.

19

Окружение авторитетного вора.

20

Это действительно смертельное оскорбление для каждого уважающего себя уголовника и уж тем более для вора в законе!

21

Чалиться – отбывать срок заключения. В данном контексте – обитать.

22

Крылов похабным образом переиначил отрывок из известной блатной песни «Мурка», который в действительности звучит так: «Здравствуй, моя Мурка, и прощай».

23

Мужеложство действительно распространено среди чеченцев. В отличие от России, там оно особо не осуждается.

24

Специальное отверстие в двери камеры, через которое заключенные получают пищу.

25

Подписать – согласиться на предложение. В данном контексте «дать слово», отказаться от которого вор в законе по понятиям не имеет права.

26

В данном контексте – жертвы.

27

В данном контексте это не просто ругательство, а синонимы слов «козлы» и «ссученные».

28

Самодельный нож.

29

Великомученик Дмитрий Солунский в земной жизни был воином и почитается на Руси покровителем воинов. На иконах он изображается в доспехах, с копьем и мечом в руках.

30

Один из самых эффективных и опасных стилей кунг-фу (оно же ушу).

31

Довольно сильная школа карате. Правда, ее представители неважно работают руками и чересчур увлекаются «верхними» ударами ног, красиво смотрящимися со стороны, но не слишком эффективными в реальном поединке.

32

Ассоциация вовсе не случайная. Казачья шашка, пожалуй, самая страшная разновидность холодного оружия. Например, разрубить человека пополам (наискосок от ключицы до бедра) в былые времена мог каждый третий строевой казак, а уж снести голову – практически любой! За долгие века непрерывных

войн казаки разработали изощреннейшую технику фехтования, которой пресловутое японское кендо в подметки не годится. О том, как рубились донские казаки, вы можете прочитать в романе Михаила Шолохова «Тихий Дон».

33

Верхняя губа – одна из наиболее уязвимых частей тела. В этом месте носовой хрящ срастается с черепной костью, а нервы расположены совсем недалеко от кожного покрова. Тот удар, который нанес Дерюгин, приводит к сотрясению мозга и потере сознания.

34

Крысятником на зонах называют заключенного, который обворовал другого заключенного, коллегу по несчастью.

Купить: https://tellnovel.com/ru/derevyanko_il-ya/press-hata

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)